

Находилась ли Русская православная церковь в арьергарде Февральской революции?

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Находилась ли Русская православная церковь в арьергарде Февральской революции? // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1396–1406. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.420>

В статье дается оценка второго издания монографии М. А. Бабкина «Священство и Царство» в контексте многочисленных рецензий на первое издание. Большинство российских и зарубежных историков считает, что Русская православная церковь в синодальный период превратилась в безмолвное орудие в руках государства, безропотно выполнявшее его волю. По мнению М. А. Бабкина, руководство церкви было недовольно своим положением, тяготилось государственным контролем и опекой и стремилось получить самоуправление. Поддержав после февральского переворота Временное правительство, иерархи надеялись получить от него автономию и новые prerogatives, но ошиблись в расчетах. Первое издание монографии М. А. Бабкина вызвало острые споры среди историков. И хотя большинство рецензентов признали выводы автора конструктивными и полезными, в то же время высказывались возражения против некоторых положений, выдвинутых автором, сомнения в адекватности источников и методологии. Автор статьи полагает, что многие выводы М. А. Бабкина основательно аргументированы, но оценки последней степени демократизма иерархов и православного духовенства в целом, а также его возможностей воздействовать на ход событий через пасторскую деятельность вызывают вопросы. В 1985 г. Г. Фриз оспорил точку зрения о Русской православной церкви как служанке государства. По его мнению, после Петровских реформ и до самого 1917 г. церковь сохранила статус института, параллельного государственному аппарату, и твердо защищала свои принципы, оставаясь силой, с которой власти считались. К 1917 г. союз трона и алтаря распался, и церковь стала влиятельной силой в революции. По сути, М. А. Бабкин на других источниках, используя богословский подход, аргументированно поддержал и развил точку зрения Г. Фриза. Эту новую точку зрения было бы правильно назвать концепцией Фриза — Бабкина.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., Русская православная церковь, конфронтация церкви и монархии, новая концепция взаимоотношения церкви и государства.

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; mironov1942@yandex.ru

Boris N. Mironov — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; bmironov@mail.wpl.us.net

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Was the Orthodox Church in the Rearguard of the February Revolution?

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. Was the Orthodox Church in the Rearguard of the February Revolution? *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 4, pp. 1396–1406. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.420> (In Russian)

The article evaluates the second edition of M. A. Babkin's monograph "The Priesthood and the Kingdom" in the context of numerous reviews of the first edition. Most historians think that the Russian Orthodox Church was an uncomplaining tool in the hands of the state during the synodal period. According to Babkin, the leadership of the Orthodox Church was dissatisfied with its position, was burdened by state control and sought to gain self-government. By supporting the Provisional Government, the hierarchs hoped to gain new prerogatives, but they miscalculated. The first edition of monograph caused heated debate. Many reviewers recognized the conclusions of the author; some objected to certain provisions, the adequacy of sources and methodology. According to B. N. Mironov, many of Babkin's findings are well-reasoned, but he doubts the assessment of the degree of democracy of the hierarchs and the clergy in general and their ability to influence the course of events. In 1985, Gregory Freeze challenged the point of view about the Russian Orthodox Church as a servant of the state. In his opinion, after the reforms of Peter the Great and until 1917, the Church retained the status of an institution parallel to the state apparatus and firmly defended its prerogatives, remaining a force to be reckoned with by the authorities. By 1917, the alliance between the throne and the altar had disintegrated, and the Orthodox Church had become a prominent factor in the revolution. In fact, Babkin, using other sources and a theological approach, reasonably supported and developed Freeze's opinion, which would be correctly called the concept of Freeze-Babkin.

Keywords: Russian Revolution of 1917, Russian Orthodox Church, confrontation between church and monarchy, new concept of relationship between church and state.

Большинство историков, российских и зарубежных, полагают, что Русская православная церковь (РПЦ) в синодальный период превратилась в безмолвное орудие в руках государства, безропотно выполнявшее его волю, даже если это шло вразрез с ее духовным долгом и корпоративными интересами. Недовольство Петровской церковной реформой существовало в среде иерархов, но не проявлялось, открыто, и потому государство им пренебрегало. Во время революции 1905–1907 гг. Церковь твердо и открыто выступила в поддержку монархии, а в 1917 г. поддержала Временное правительство только на словах (епископат считал нецелесообразным открыто проявлять свои промонархические настроения). В историографии состояние иерархии РПЦ в феврале — марте 1917 г. характеризуется как растерянность, беспомощность, политическое бессилие, малодушие, неспособность повлиять на ход событий. Легитимация Синодом Временного правительства рассматривается как конформизм и обыкновение повиноваться светской власти, проявление традиционного для церковных иерархов консерватизма и сервилизма¹.

¹ См. историографию вопроса: *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 9–28; *Миронов Б. Н.* Церковь и государство до и после российской революции 1917 года // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65, № 2. С. 646–667; *Павлов Д. Б.*: 1) Русская православная церковь, государство и общество первой четверти XX века в зарубежной историографии // *Российская история*. 2011. № 5. С. 163–172;

М. А. Бабкин оспаривает эту точку зрения². По его мнению, руководство РПЦ было недовольно своим положением, тяготилось государственным контролем и опекой и стремилось получить самоуправление, по крайней мере со времени не удовлетворявших его церковных реформ 1860-х гг. Не сумев добиться автономии, иерархи постепенно перешли в скрытую оппозицию к царской власти и надеялись от нее эмансипироваться с низвержением монархии. Февральский переворот они использовали для получения желанной автономии. Из девиза «За Веру, Царя и Отечество» они уже в первые дни марта 1917 г. убрали «Царя», по сути, отрекшись от государственно-монархической идеологии, что содействовало уходу из российской политики правых партий. Проведя повсеместно процедуру присяги на верность Временному правительству, церковные власти легитимировали новую власть. Синод осуществил ряд мер, чтобы помешать реставрации монархии и поддержать завоевания Февральской революции. Изменения в государственном устройстве иерархи объясняли *неисповедимым промыслом Божиим*, проявлением *Божественной воли* или же *свершившимся судом Божиим*, последовавшим в результате того, что церковь оказалась подчинена царской власти, и вследствие чинимых императором помех на пути воссоздания патриаршества, отмененного Петром I. Во время проповедей паству убеждали, что позитивное отношение к произошедшему государственному перевороту есть священная обязанность для всех граждан России.

Приходское духовенство проявляло еще больший радикализм, чем иерархи — оно желало демократизации епархиальной и приходской жизни. Широко звучали голоса о желательном установлении выборности епископата, о необходимости участия рядовых священнослужителей в управлении епархиями, о справедливом распределении доходов между членами причта, об уравнивании в правах белого и черного духовенства и пр. Вплоть до осени 1917 г. идея патриаршества была непопулярной среди большинства российского духовенства, видевшего в стремлении иерархов посредством реставрации патриаршества установить свое единовластие в церковных делах.

Многие выводы М. А. Бабкина основательно аргументированы. Вместе с тем вызывают сомнения оценки *степени* демократизма иерархов и православного духовенства в целом и его возможностей воздействовать на ход событий через пасторскую деятельность. Например, по нашему мнению, нет достаточных оснований говорить, что духовенство сыграло ведущую роль в низложении монархии, утверждении завоеваний революции и принятии верующими республиканского строя.

Влияние духовенства на общественное сознание и настроения народа несомненно, и Временное правительство это хорошо сознавало. Не случайно оно на-

2) Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений, 1917–1922 гг. М., 2011; *Рогозный П. Г.*: 1) Церковная революция 1917 года: (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 17–29; 2) Российская церковь имперского периода в новейших трудах отечественных историков. Историографический комментарий к статье Грегори Фриза «Служанка государства? Переоценка роли церкви в императорской России» // Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб., 2019. С. 45–54.

² *Бабкин М. А.*: 1) Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): исследования и материалы. М., 2011; 2) Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): исследования и материалы. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2021.

значило новым обер-прокурором Синода авторитарного и твердого В. Н. Львова, поручив ему пристально наблюдать за духовенством, и в особенности за иерархией, что чиновник исправно исполнял. Он всесторонне контролировал пастырскую деятельность, следил за проповедями священников, лишал постов нелояльных к новой власти или провинившихся епископов, пресекал всякие попытки духовенства поддержать царский режим.

В специальном разделе³ рассматривается контрфактическая ситуация: как бы развивались события, если бы Синод выступил за монархию, против Февральской революции и Временного правительства. М. А. Бабкин насчитал 11 средств, находившихся в распоряжении Синода (самое серьезное — отлучение от церкви), применение которых, по его мнению, могло предотвратить отречение императора. Однако есть серьезные сомнения в том, что эти меры могли удержать страну от сползания к революции, сохранить конституционную монархию и направить политические события по иному сценарию.

В самом деле, Синод провел ряд мер в поддержку Временного правительства, фактически сделал все от него зависящее, чтобы помочь ему удержаться у власти. Несмотря на это, всего через восемь месяцев правительство пало. Можно согласиться с тем, что Красный Октябрь был следствием Февраля 1917 г. и послужил началом социалистического эксперимента, закончившегося в 1991 г.⁴ Однако для возложения на духовенство немалой доли ответственности за все произошедшее в России после 1917 г. требуется более основательная аргументация, чем приведенная в монографии.

Первое издание монографии М. А. Бабкина вызвало острые споры среди историков. Если о реакции судить по 22 зафиксированным рецензиям и откликам, то большинство рецензентов согласилось с автором или по крайней мере признали его выводы конструктивными и полезными. Некоторые восприняли книгу как бомбу, подложенную под традиционную парадигму о симфонии церкви и монархии в позднеимперской России. Вместе с тем высказывались возражения против некоторых выводов, сомнения в адекватности источников и методологии⁵.

Самая негативная рецензия принадлежит Ф. А. Гайде, который утверждает, что монография написана в жанре фэнтези: «Все элементы жанра у Бабкина налицо: безудержный полет фантазии, смешение реального и вымышленного, сверхъестественные явления, интригующий сюжет, средневековые образы и архетипические сюжеты». В силу этого, считает автор рецензии, «работа Бабкина никак не приближает нас к пониманию столь важного для России вопроса о церковно-государственных отношениях в начале XX в. Наоборот, это “исследование” лишь создает дополнительные фантомы на трудном пути к осознанию трагических событий»⁶. Рецензия Ф. А. Гайды — самая пространная (более одного авторского листа). Если такой серьезный и, как правило, глубокомысленный автор пишет столь объемный отклик на непрофессиональное (как следует из рецензии) исследование, то у читателя есть все основания считать, что критикуемая монография содержит отнюдь

³ Бабкин М. А. Священство и царство. Изд. 2-е. С. 258–267.

⁴ Там же. С. 606.

⁵ Там же. С. 8–11.

⁶ Гайда Ф. А. Священство и царство в жанре фэнтези // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. № 54. С. 131–143.

не фантазии, а важные выводы, подкрепленные серьезными аргументами (как это и есть на самом деле), которые чрезвычайно не нравятся критику.

Для дискредитации выводов М. А. Бабкина критик использует большой арсенал приемов. Например, нередко Ф. А. Гайда трактует *предположения* М. А. Бабкина как его притязания на доказанные факты, хотя последний при недостатке аргументов всегда прямо говорит, что выдвигает гипотезу, которую читатель и должен принимать как предположение. Или находит ничтожные или выдуманные фактические ошибки, которые якобы свидетельствуют о низком уровне познаний Бабкина в русской истории начала XX в. Приведем примеры. «Бабкин не знает, что потерпевшая поражение в Цусимском сражении Тихоокеанская эскадра имела порядковый номер — она была Второй, в отличие от Первой, погибшей в Порт-Артуре». «Бабкин уверен, что в 1904 г. “Россия после 11-месячной обороны бесславно потеряла Порт-Артур”. Между тем оборона длилась 5 месяцев (11 месяцев держался Севастополь в период Крымской войны)». «В августе 1914 г. в Восточной Пруссии произошел “разгром русской кадровой армии А. В. Самсонова” — остается только догадываться, командовал ли Самсонов всей “кадровой” русской армией, и вся ли она была разгромлена уже в начале войны (или только Вторая из десяти армий, существовавших в августе 1914 г.)?» Оказывается, ошибки можно и придумать. Так, Ф. А. Гайда пишет: «Тогда же, летом 1908 г. (а не в августе 1907 г.!), была создана Антанта». У Бабкина: «1908, лето. Окончание оформления союза Великобритании, Франции и России в блок “Антанта”». Сколько времени и сил потратил критик на поиск этих ошибок, которые нередко находились в примечаниях или приложениях, напечатанных мелким шрифтом, в 920-страничной книге! Эти неточности не ослабляют концепции Бабкина, но это не имеет значения. Важно и нужно было найти таких «блох» как можно больше. «Суета сует и всяческая суета»...

О большой заинтересованности Ф. А. Гайды в дискредитации книги говорит и его переход на личности (что обычно происходит тогда, когда рациональных аргументов недостаточно). Он вспоминает, что Бабкин не имеет базового исторического образования, как и авторы «Новой хронологии», явно намекая на дилетантизм; использует такие обороты речи, как «головокружительная концепция», «причудливая логика» и т. д., чтобы принизить значение выводов. Между тем М. А. Бабкин, насколько мне известно, имеет богословское образование, несколько лет работал чтецом в московском храме, располагавшем хорошей библиотекой богословской литературы, что позволило ему обнаружить новый важный источник для понимания отношения иерархов к императору и светской власти — богослужебные книги РПЦ. Их изучение показало, что высшая церковная власть во второй половине XIX — начале XX в. проводила политику возвышения и расширения титулований архиереев и сокращение богослужебных поминовений императора, а после февральского переворота во всех молитвах заменила императора Временным правительством, одновременно изменив соответствующим образом текст присяги для всех мирян, а также тесты, использовавшиеся при посвящении в псаломщики, дьяконы, священники, иерейский чин⁷.

Это тонкая источниковедческая работа, требующая специальных знаний. Потребовалось сравнить десятки «Служебников», напечатанных с середины XVII в.

⁷ Бабкин М. А. Священство и царство. Изд. 1-е. С. 234–257, 830–854.

до 1917 г. В каждое царствование они по несколько раз издавались в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге и иногда тиражировались в других типографиях. Все «Служебники», на первый взгляд, тождественны друг другу (кроме возношения *конкретных* Высочайших имен, менявшихся в зависимости от царствований). Однако при их скрупулезном анализе М. А. Бабкин заметил, что на протяжении последних трех столетий в них (и, соответственно, на богослужениях в Русской церкви) изменялось титулование архиереев и царствующего дома Романовых. До начала 1650-х гг. на богослужениях РПЦ творилось поминовение лишь одного патриарха Московского. Во второй половине XVII в. вслед за первопрестольным архиереем в церковных молитвах и народных ектеньях стал поминаться местный архипастырь. С 1721 г. вместо патриарха стал поминаться Святейший Правительственный Синод. В последней четверти XIX — начале XX в. архиереи стали все чаще поминаться во время богослужений, а в богослужебных книгах РПЦ последовательно проводился процесс возвышения и расширения их титулований. С 1721 г. до рубежа XIX и XX вв. на всех богослужениях звучало: «О Святейшем Правительствующем Синоде (и о митрополите нашем, имярек, его же область), честнѣм пресвитерстве...». С 1900 г. в Санкт-Петербурге и с 1904 г. в Москве при поминовении архиерея были добавлены титулования в превосходной степени — «*преосвященнейший*»), а на Великом входе (праздничном шествии духовенства во время богослужения со Святыми Дарами) архиерей стал именоваться «*господином нашим*» (ранее на Великом входе местные владыки, согласно «Служебникам», вообще не поминовались, а господином в XVII в. назывался только патриарх). Новое поминовение стало общероссийской практикой — архиереи везде стали поминаться непременно с титулованием «преосвященнейший»⁸. Это равносильно замене титулования «Ваше превосходительство» на «Ваше высокопревосходительство».

Иначе обстояло дело с поминовением лиц царского дома. До 1857 г. на богослужениях поминовалось 22 лица августейшей фамилии персонифицированно, то есть с называнием имени. В суточном богослужении их имена произносились 16 раз, при архиерейском богослужении — 21 раз. В 1857 г. митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) предложил помянуть императора, императрицу и наследника престола поименно, остальных — общим наименованием и сократить частоту поминовения до 10 и 11 раз соответственно. Мотивировка — длинные и частые поминовения значительно удлиняли службы и не благоприятствовали молитвенному вниманию паствы. К тому же в древности, как в Греции, так и на Руси, властителей поминали общим наименованием, без перечисления членов их семей. О предложении Филарета обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой доложил Александру II, и император согласился. При Александре II и Александре III поименно поминовались последовательно император, императрица и наследник престола. При Николае II в число возносимых на богослужениях имен вошла и вдовствующая императрица. Остальные лица царского дома поминовались общим наименованием: «...и о всем Царствующем доме»⁹.

М. А. Бабкин обнаружил, что на рубеже XIX и XX вв. подверглось сокращению также и высшее поминовение в церкви императора и Синода на проскомидии — начальной, исполненной сакрального смысла стадии литургии (центрального хри-

⁸ Там же. С. 160–178.

⁹ Там же. С. 178–183.

стианского богослужения)¹⁰. При этом форма устного молитвенного поминовения собственно церковных властей осталась неизменной. Не вдаваясь в тонкости обряда, отметим, что это означало умаление значения российского императора и Синода¹¹.

Наконец, М. А. Бабкин обнаружил также, что в начале XX в. изменился и текст присяги «на верность подданства», которую по закону все православное духовенство, как и остальные подданные Российской империи при достижении 12 лет, приносили императору. Присяга была обширной и имела религиозный характер: в ней содержалось молитвенное обращение к Богу, а текст произносился перед Евангелием и крестом. Подданные обещали верно и нелицемерно служить императору, оказывать ему во всем повиновение, защищать властные права и полномочия самодержца. В присяге также были слова с обещанием предупреждать любые попытки тайных врагов государства причинить какой-либо ущерб и вред Его Величеству. Практически дословно всенародная присяга повторялась в содержании дополнительных присяг, последовательно приносимых духовенством при посвящении в псаломщики, при рукоположении в диаконский, в иерейский, в архиерейский чины, а также при вызове отдельных представителей священнослужителей для участия в заседаниях Синода. В соответствии с текстом присяги духовенство обязано было поддерживать российский самодержавный строй. В 1901 г. Синод принял решение заменить традиционную присягу новой, краткой и достаточно формальной. Клятва свелась к обещанию быть верным подданным императора согласно необходимости следования словам Священного Писания, а присяга для присутствующих в Синоде архиереев объявлялась упраздненной как неканоническая¹².

На основе проведенного анализа М. А. Бабкин сделал вывод об общем настрое церковной иерархии: епископату нужны были внутренняя независимость, каноническое устройство и патриарх — «первопрестольный архиерей, возвышающийся своим высоким саном над земным, светским, лишенным сакрального смысла царством»¹³. За недостатком места мы привели лишь некоторые аргументы автора, которые представляются новыми, основанными на контент-анализе «Служебников» (заметим, что в данном случае соединение теологи с историей стало возможным благодаря наличию у М. А. Бабкина богословского образования). Любой профессионал из мира пиара, рекламы, пропаганды и агитации знает, что эффективность внедряемой в сознание людей информации зависит от времени, в течение которого она преподносится по телевидению или радио, от пространства, занимаемого ею в СМИ, и от частоты повторения. М. А. Бабкин, следуя общепринятой методике исследования текстов, профессионально проанализировал «Служебники», сделал адекватные выводы и, что важно, подтвердил их живыми голосами иерархов¹⁴. Однако автору рецензии Ф. А. Гайде кажется, что выводы М. А. Бабкина не вытекают из источников, а являются фантазиями. Невольно напрашивается предположение о предвзятости подобной критики.

¹⁰ Поминовение на проскомидии, изъятие частиц о здравии и о упокоении, а потом погружение их в потир — высшее поминовение в Церкви.

¹¹ Бабкин М. А. Священство и Царство. Изд. 1-е. С. 180–181.

¹² Там же. С. 184–190.

¹³ Там же. С. 182–183.

¹⁴ Там же. С. 67–155.

Утверждение М. А. Бабкина о демократической позиции в 1917 г. иерархов РПЦ и духовенства в целом вызвало особенно сильные возражения, потому что оно противоречит традиционному представлению о православном духовенстве как раболепном, консервативном, пассивном и проправительственном сословии. Между тем духовенство, как и вся Россия, изменилось в пореформенную эпоху. Его антимонархические настроения можно объяснить общим демократическим устремлением российской интеллигенции в позднимперский период, в основном не принимавшей монархии даже в дуалистическом варианте. Преобладающее большинство иерархов окончило духовные академии, в которых, как и в университетах, нередко преподавали те же либеральные профессора. В духовных семинариях, куда проник дух свободомыслия, учились будущие клирики. Общий настрой образованных людей в пореформенное время был демократическим и антимонархическим, борьба за групповые социальные интересы являлась их единой стратегией. В своих политических убеждениях духовенство не отличалось существенно от других социально-профессиональных групп. В течение XVIII — начале XX в. оно, подобно купечеству, являлось одним из самым открытых сословий, а по характеру своей профессии было повседневно связано с представителями всех сословий¹⁵. Не случайно в рядах левых партий состояло много недоучившихся студентов духовных учебных заведений. Нельзя забывать, что белое духовенство имело материальные, а епископат — политические претензии к императорской власти. В течение двух столетий иерархи были недовольны упразднением патриаршества, секуляризацией церковных земель и хотели восстановления автономии.

Вполне ожидаемо, что некоторые рецензенты из числа духовных лиц, которых убедили выводы монографии, говорят о предательстве духовенства: «В марте — июле 1917 года практически все, за редким исключением, русские священнослужители поддержали Февральскую революцию, предали своего царя и приняли распад Российской империи как неизбежную данность. Тем самым они безответственно легитимизировали буржуазную революцию»¹⁶. Нельзя исключить, что под влиянием книги М. А. Бабкина митрополит Псковский и Порховский Тихон (Шевкунов) в интервью «Ложь и драма русской революции» программе «Новый день» телеканала «Спас» от 19 марта 2021 г. сказал: «Тот факт, что Церковь не возвысила свой голос правды, навсегда останется болью для всех нас — церковных людей. Уверен, что если бы церковные люди выступили и сказали, то у России был бы шанс удержаться на краю этой пропасти»¹⁷.

Понятна горечь этих слов. Но давайте вообразим, что в феврале 1917 г., в разгар Первой мировой войны, сразу после свержения Николая II РПЦ начала борьбу с новой властью за реставрацию монархии и мобилизовала бы на эту борьбу паству, используя те самые 11 средств, на которые указывал М. А. Бабкин. Если бы часть белого духовенства и паствы их поддержала, то началась бы, если не Гражданская война, то смута, которая имела бы чрезвычайно печальные последствия

¹⁵ Миронов Б. Н.: 1) Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2018. Т. 1. С. 367–368, 381–383, 448–458; 2) Социальная мобильность российского купечества в XVIII — начале XIX века // Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин, 1977. С. 207–217.

¹⁶ Вигилянский В. Н., *прот.* Революция 1917 года. URL: <https://vladimir-vig.livejournal.com/9826.html> (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁷ Цит. по: Бабкин М. А. Священство и царство. Изд. 1-е. С. 876.

и, вероятно, очень скоро привела бы Россию к катастрофе. Если бы духовенство и народ иерархов не поддержали, последние были бы арестованы Временным правительством и посажены в Петропавловскую крепость. РПЦ в глазах широких масс была бы дискредитирована. Может быть, следует признать, что РПЦ, независимо от мотивов, в тот исторический момент выбрала из двух зол наименьшее?

Непонятна негативная оценка прагматического (на самом деле политического) поведения епископата со стороны историков и политологов как ренегатского, непоследовательного, оппортунистического. Что же в действительности произошло? Православные иерархи не желали быть статистами в руках верховной власти. Они тихо и спокойно, но настойчиво и последовательно отстаивали групповые интересы сословия и, разумеется, свои — получить самоуправление, восстановить каноническое управление и патриарха. Когда это не получилось — стали связывать надежды на освобождение с низвержением монархии и поддержали Февральскую революцию. Важно также отметить, что в 1917 г. политические колебания духовенства происходили согласно изменениям в желаниях и настроениях широких масс населения, а это значит, что представители церкви оторвались от монархии, но не от народа. Подобное поведение в равной степени можно считать демократизмом, оппортунизмом, прагматизмом или даже предательством. Получается, куда ни кинь — всюду клин: поддержало духовенство Временное правительство — ренегаты, поддержало монархию — ретрограды, колебалось вместе с народом — оппортунисты.

Тихое и скрытое сопротивление государству со стороны сословий, классов и социальных групп всегда присутствует в авторитарных системах, когда массовый публичный протест затруднен или невозможен вследствие отсутствия у недовольных формальных возможностей и ресурсов, необходимых для открытой борьбы. Рутинное сопротивление является эффективной формой борьбы, которое удерживает власти от злоупотреблений и при благоприятных обстоятельствах становится основой для коллективной мобилизации. Подобным образом вели себя крестьяне, городские низы, белые клирики и дворяне. Российское общество не являлось в руках государства только объектом дирижизма¹⁸. Духовное сословие, по призванию и профессии обязанное быть смиренным и послушным, длительно и настойчиво отстаивало свои права, присвоенные государством. Это опровергает широко распространенное в литературе (особенно зарубежной) представление о том, что русские люди — вечно безответные, покорные судьбе, подчиненные воле властей предрежащих, склонные к непротивлению злу и самоуничтожению¹⁹.

Следует сказать о том, что рецензенты монографии М. А. Бабкина не вспомнили его предшественника, американского историка Г. Фриза, который еще в 1985 г. аргументировал альтернативную точку зрения на взаимоотношения Церкви и государства: «Петровские реформы отнюдь не превратили Церковь в официальную бюрократическую организацию; самостоятельность Синода значительно различалась при разных правлениях и Церковь никогда не являлась — ни в законодательном, ни в практическом, ни в духовном смысле — всего лишь министерством по делам религий... Церковь до самого 1917 г. не утратила особого статуса: статуса инсти-

¹⁸ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 155–162, 447–448.

¹⁹ Ранкур-Лаферрьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика. В поисках национальной идентичности. М., 2003. С. 19–20.

тута, параллельного государственному аппарату, но не включенного в него... Несправедлив и другой стереотип: что рядовые приходские священники были лишь мелкими чиновниками, облаченными в рясу... Ни в 1905–1907 гг., в разгар революционных катаклизмов и беспорядков, полностью разрушивших общественный и политический порядок, ни в 1905-м, ни в 1917 г. Церковь не выступила в качестве оплота самодержавия, хотя власти на это рассчитывали и этого требовали»²⁰. Г. Фриз пишет также о том, что «в последние годы царского правления не только радикально настроенные священники, но и самые консервативные архиереи испытывали острое недовольство самодержавием. <...> В институциональном смысле РПЦ яростно защищала свои прерогативы и оставалась силой, с которой приходилось считаться». Во времена думской монархии «духовенству удалось саботировать проекты», направленные на ущемление влияния и интересов церкви: о реформировании начального образования, бракоразводного законодательства, календаря, веротерпимости и церковного администрирования. В рамках конфронтации с правительством и Думой в начале 1910-х гг. Церковь создала и использовала альтернативную политическую культуру, центральным элементом которой являлась идея соборности, включавшая требование автономии Церкви и замену принципа монархического правления коллегиальностью (епископов, приходского духовенства или всех верующих, в том числе мирян). При этом аргументы в пользу соборности и демократизации повторяли те, которые использовались в современном светском дискурсе. «К 1917 г. союз трона и алтаря распался необратимо». Не безверие, а православие и РПЦ являлись «видными факторами в революции 1917 г.». В феврале 1917 г. «среди духовенства почти не нашлось желающих его (самодержавие. — Б. М.) защищать; даже архиконсервативный Синод в самые критические часы Февральской революции отказался выпустить прокламацию в защиту монархии. К ее гибели Церковь также отнеслась без сожаления: почти все епископы, священники и прихожане поддержали новое Временное правительство, видя в нем зарю новой жизни»²¹. Американский ученый опубликовал немало исследований, посвященных доказательству этих тезисов. При этом его работы регулярно переводились на русский язык²². По сути, М. А. Бабкин на других источниках, используя богословский подход, аргументированно поддержал и развил точку зрения Г. Фриза. Можно сказать, что авторы конгениальны, и точку зрения, альтернативную традиционной, было бы правильно назвать концепцией Фриза — Бабкина. Однако все критические стрелы полетели в М. А. Бабкина.

Жаль, что во втором издании монографии М. А. Бабкина не нашлось места для ответа на замечания рецензентов, сделанных по существу. В нем лишь исправлены опечатки и неточности, учтен ряд конкретных замечаний рецензентов, приведены отрывки из отзывов на первое издание, добавлены Приложение XX (фрагмент интервью митрополита Псковского и Порховского Тихона (Шевкунова)) и одна иллюстрация. Всего нового текста во втором издании книги — шесть страниц. Автор объясняет это отсутствием средств для создания нового макета.

²⁰ Freeze G.L. Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered // Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 36. P. 82–102 (рус. пер.: Фриз Г. Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России // Фриз Г. «Губительное благочестие». С. 17–44).

²¹ Фриз Г. «Губительное благочестие». С. 70, 217, 218, 235, 254, 255, 263.

²² См.: Rogoznyy P.G. Российская церковь. С. 17–29.

Следует признать, что за прошедшие десять лет книга М. А. Бабкина не устарела, не потеряла актуальности, выдержала критику. Предпринятые ее автором новаторские исследования не только порождают дискуссии и двигают науку вперед, но и живут дольше трудов, созданных в рамках существующей парадигмы.

References

- Babkin M. A. *Sviashchenstvo i Tsarstvo (Rossiia, nachalo XX v. — 1918 g.): Issledovaniia i materialy*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 920 p. (In Russian)
- Babkin M. A. *Sviashchenstvo i Tsarstvo (Rossiia, nachalo XX v. — 1918 g.): Issledovaniia i materialy*. 2nd ed. Moscow, Indrik Publ., 2021, 976 p. (In Russian)
- Freeze G. “Gubitel’noe blagochestie”: Rossiiskaia tserkov’ i padenie imperii. St Petersburg, European University at St Petersburg Press, 2019, 350 p. (In Russian)
- Freeze G. L. “Handmaiden of the State? The Orthodox Church in Imperial Russia Reconsidered”, *Journal of Ecclesiastical History*, 1985, vol. 36, pp. 82–102.
- Gaida F. A. Sviashchenstvo i tsarstvo v zhanre fentezi. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2013, no. 54, pp. 131–143. (In Russian)
- Kashevarov A. N. *Pravoslavnaia Rossiiskaia Tserkov’ i sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)*. Moscow, Krutitskogo podvor’e Publ., 2005, 437 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modern*, vol. 1. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2018, 896 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2019, 528 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Sotsial’naia mobil’nost’ rossiiskogo kupechestva v XVIII — nachale XIX veka. *Problemy istoricheskoi demografii v SSSR*. Tallinn, AN ESSR Press, 1977, pp. 207–217. (In Russian)
- Mironov B. N. Tserkov’ i gosudarstvo do i posle rossiiskoi revoliutsii 1917 goda. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 646–667. (In Russian)
- Pavlov D. B. *Otechestvennaia i zarubezhnaia istoriografiia gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii, 1917–1922 gg.* Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Press, 2011, 74 p. (In Russian)
- Pavlov D. B. Russkaia pravoslavnaia tserkov’, gosudarstvo i obshchestvo pervoi chetverti XX veka v zarubezhnoi istoriografii. *Rossiiskaia istoria*, 2011, no. 5, pp. 163–172. (In Russian)
- Rankur-Lafer’er D. *Rossiia i russkie glazami amerikanskogo psikhoanalitika: V poiskakh natsional’noi identichnosti*. Moscow, Ladomir Publ., 2003, 286 p. (In Russian)
- Rogoznyi P. G. Rossiiskaia tserkov’ imperskogo perioda v noveishikh trudakh otechestvennykh istorikov. Friz G. “Gubitel’noe blagochestie”: Rossiiskaia tserkov’ i padenie imperii. St Petersburg, European University at St Petersburg Press, 2019, pp. 45–54. (In Russian)
- Rogoznyi P. G. *Tserkovnaia revoliutsiia 1917 goda: (vyshee dukhovenstvo Rossiiskoi Tserkvi v bor’be za vlast’ v eparkhiakh posle Fevral’skoi revoliutsii)*. St Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008, 223 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 26 января 2022 г.

Рекомендована к печати 10 сентября 2022 г.

Received: January 26, 2022

Accepted: September 10, 2022